

Т10-83

ОБЩЕСТВО ИСТОРИЧЕСКОЕ
№ 394
* ПУБЛИКАТИВНОГО СЪЕДИНЕНИЯ *

ТРУДЫ

ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ
X
АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

Вып. III.

1143/1

ОРЕНБУРГЪ

Типо-Литографія Губернскаго Правленія
1897.

НЕУДАВШЕЕСЯ ПОСОЛЬСТВО ВЪ БУХАРУ ПОРУЧИКА ГАВЕРДОВСКАГО ВЪ 1803 ГОДУ.

Сношенія русскихъ съ жителями Средней Азіи начались съ давнихъ поръ и носили первоначально чисто торговый характеръ. Еще до нашествія монголовъ ввозились въ Новгородъ чрезъ страны эти индѣйскіе товары; со времени же монгольскаго ига сношенія эти увеличились; но въ сущности начали упрощаться они только при Петрѣ Великомъ, когда правительство наше беретъ на себя не только инициативу этихъ сношеній, но и изъясляетъ готовность поддерживать ихъ силою оружія. На край среднеазиатскихъ кочевниковъ Петръ I и смотрѣлъ какъ «на ключъ и врата ко всеѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ», о богатствѣ которыхъ говорилось такъ много. Неудачная экспедиція князя Бековича-Черкаскаго въ 1717 году была слѣдствіемъ такого взгляда преобразователя Россіи. Съ этого же приблизительно времени начинается въ сношеніяхъ съ нами и характеръ той политики, которой слѣдуютъ преимущественно хивинцы и ихъ ханы до времени окончательнаго ихъ покоренія въ настоящемъ столѣтіи. Эта политика можетъ быть охарактеризована такъ: присылать возможно чаще въ Россію пословъ съ мишурными подарками, обѣщать на словахъ и

бумагѣ полную Россіи преданность и вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣясь на недоступность своей страны и терпѣніе русскихъ, грабить караваны могущественнаго сосѣда, захватывать въ плѣнъ подданныхъ русскаго Царя, волновать сопредѣльныхъ съ русскими киргизъ и, притихнувъ на нѣкоторое время при угрозѣ, потомъ вновь начать тѣже обманы, грабежи и убійства. Доказательствъ этому не мало, приведемъ изъ множества одно. Такъ въ 1700 году самъ хивинскій ханъ просилъ Петра Великаго о принятіи Хивы въ подданство Россіи, но не далѣе какъ чрезъ семнадцать лѣтъ въ той-же Хивѣ съ головы Бековича-Черкасскаго содрана была кожа, набита сѣномъ и послана къ бухарскому эмиру, какъ знакъ побѣды, а русскіе солдаты отряда князя или перебиты или обращены въ рабство.

Въ 1803 году было отправлено изъ Орской крѣпости посольство въ болѣе дружественную намъ Бухару подъ начальствомъ поручика свиты Его Величества по квартирмейстерской части Якова Гавердовскаго. Экспедиція эта преслѣдовала вовсе не воинственныя, а скорѣе коммерческія цѣли, имѣвшія прямое отношеніе только къ Бухарѣ, знакомство съ которой поддерживалось съ давнихъ поръ какъ съ важнымъ потребителемъ русскихъ произведеній и проводникомъ нашихъ товаровъ въ заманчивую Индію и Авганистанъ. Въ свою очередь и бухарцы предпочитали мирныя сношенія съ русскимъ народомъ всякимъ другимъ, а несоприкосновеніе ея съ границами Россіи не давало и поводовъ къ пограничнымъ спорамъ

и разбоямъ, какими беспокоила насъ Хива. Положимъ и бухарцы не могли окончательно отрѣшиться отъ азіатскихъ хищническихъ привычекъ и изъ вторыхъ и третьихъ рукъ перекупали русскихъ плѣнниковъ, а правительство ихъ брало лишнюю пошлину съ русскихъ купцовъ; но всѣ эти обстоятельства не обостряли отношеній нашихъ съ ними.

По мѣрѣ распространенія русской власти къ юго-востоку отъ Урала, сношенія съ Бухарою принимали болѣе серьезное значеніе и являлось желаніе, вызванное конечно, не однимъ только любопытствомъ, подробнѣе и точнѣе изучить бухарское ханство, почему еще съ прошлаго столѣтія началась частая посылка въ Бухару нашихъ чиновниковъ и миссій. Къ такимъ миссіямъ принадлежало и посольство въ Бухару поручика Гавердовскаго.

Необходимость этого посольства вызывалась собственно, какъ это видно изъ архивныхъ дѣлъ того времени, слѣдующими соображеніями.

Долнеръ Троицкой пограничной таможни Чепаловъ донесъ министру коммерціи графу Румянцеву о бѣжавшемъ въ Бухарію тептарѣ Валитѣ Халитовѣ, который будто бы производилъ въ странѣ этой «публичное дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій». Эти вѣсти долнеръ Чепаловъ получилъ отъ торгующаго въ Бухарѣ казанскаго татарина Ибрагима Смайлова, который по порученію Чепалова, какъ гласитъ дѣло, «сдѣлалъ

даже нѣкоторый подвигъ о выдачѣ сего преступника, но безъ успѣха»²⁾).

Считая такое извѣстіе весьма важнымъ, русское правительство рѣшило послать въ Бухару «парочнаго чиновника», и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей писемомъ отъ 27 ноября 1802 года увѣдомилъ оренбургскаго губернатора Н. Н. Бахметева, что такимъ чиновникомъ назначенъ свиты Его Величества поручикъ Яковъ Гавердовскій, который и долженъ предъявить бухарскому правительству требованіе о выдачѣ преступника Халитова. Извѣщая въ заключеніе, что Гавердовскій снабженъ по Высочайшему повелѣнію особой инструкціей, графъ Кочубей проситъ губернатора дать поручику всѣ способы къ успѣшному совершенію предпринимаемаго имъ путешествія снабдивъ его переводчиками, охраной и преподавъ ему всѣ необходимыя для достиженія цѣли свѣдѣнія и средства. Влѣдъ за письмомъ графа Кочубея и министръ коммерціи графъ Румянцевъ извѣстилъ Оренбургскаго губернатора, что Государю Императору угодно было отправить съ грамотою и подарками къ бухарскому хану поручика Гавердовскаго, сопровождаемаго на дворнымъ совѣтникомъ докторомъ Большимъ, колонновожатыми поручиками Ивановымъ и Богдановичемъ и татаринномъ Ибрагимомъ Смайлловымъ; вмѣстѣ съ этимъ

2) Въ письмѣ же къ бухарскому сановнику Ходжи-Халенъ Гавердовскій о цѣли посольства писалъ: «утвердитъ тѣснѣе миръ и обоюдное народамъ доставитъ спокойствіе, успокоить можно болѣе торговлю и купеческимъ караванамъ сдѣлать безмятежный чръ степь киргизскую проходъ, дабы торговлю российскую и бухарскую привести на высшую степень и въ цвѣтущее состояніе».

графъ просилъ губернатора «въ семь дѣлъ, угодномъ Его Величеству, не оставить сдѣлать неукоснительное распоряженіе».

Въ концѣ февраля 1803 года въ Оренбургъ прибылъ самъ поручикъ Гавердовскій съ докторомъ Большимъ и вышеназванными офицерами и немедленно представилъ въ пограничную комиссію «объясненіе о средствахъ къ отправленію его въ Бухару», согласно высочайше данной ему инструкціи.

Какова была эта инструкція въ цѣломъ, въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ тому указаній, а въ выше-названномъ «объясненіи» можно встрѣтить только изъ нея выдержки, согласно которыхъ поручикъ Гавардовскій настаивалъ на необходимости присоединить къ нему на пути купеческій караванъ, а также просилъ о заблаговременной заготовкѣ нужнаго количества верблюдовъ и лошадей и выставкѣ знающихъ степь киргизъ; при этомъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ совѣтывалъ оставить въ Оренбургѣ въ качествѣ амбановъ. Сверхъ этого испрашивалъ у пограничной комиссіи свѣдѣнія, какіе роды киргизъ кочуютъ по дорогамъ изъ Орска въ Бухару и кого изъ нихъ слѣдуетъ опасаться; вмѣстѣ съ этимъ, въ видахъ безопасности, Гавердовскій считалъ нужнымъ дать знать о его предстоящемъ путешествіи всѣмъ султанамъ и старшинамъ, требуя отъ нихъ именемъ Государя и общая подарки, охраны его со спутниками отъ могущихъ произойти въ пути нападеній. Напомнивъ пограничной комиссіи, что всѣ распоряженія о средствахъ, припасахъ для предсто-

ащей экспедиции, а также охранение и порядок ея слѣдованія всецѣло зависить отъ комиссіи. какъ компетентнаго въ семь дѣлъ учрежденія, Гавердовскій настаиваетъ на необходимости имѣть при посольствѣ переводчиковъ, писаря, а для услугъ и этикета 15 казаковъ и темярей, знакомыхъ съ азіатскими нарѣчіями, вооруженныхъ, знающихъ какое либо мастерство.

Въ силу всѣхъ этихъ настойчиво выраженныхъ просьбъ предсѣдатель пограничной комиссіи генералъ-маіоръ Боршовъ рапортомъ отъ 14 марта 1803 г. на имя оренбургскаго губернатора доносилъ, что пограничная комиссія просить утвержденія губернатора на прикомандированіе къ Гавердовскому просимыхъ имъ людей и разрѣшенія на одаренія киргизскихъ знатныхъ людей подарками.

Медлительность пограничной комиссіи заставила Гавердовскаго вторично обратиться съ «объясненіемъ» уже къ самому губернатору съ новыми сообщеніями, «дабы тѣмъ совершеннѣе достигнуть предполагаемой цѣли».

«По важности возложеннаго на меня порученія и по много-различнымъ его отношеніямъ», писалъ онъ: «и малое нестройство можетъ сдѣлать въ слѣдованіи затрудненіе, безпорядокъ и неисполненіе, что въ слѣдствіи могло-бы отнестись на мою безпечность».

Далѣе жалуюсь губернатору на медлительность пограничной комиссіи, «у которой не предвидѣлось и начала дѣла,» Гавердовскій доносилъ, что «до сего не сдѣлано еще и назначенное комиссіей отправле-

ніе въ степь для вызова къ препровожденію меня и каравана нужныхъ киргизцевъ. Султанъ Джантырь, «избранный комиссіей главнымъ въ посылкѣ сей руководителемъ, отправленъ будучи для посредства въ разобраніи баранты между жителями Красногорской крѣпости и киргизцами на четыре только дня, пре-бываетъ тамъ уже десять и слышно, будто бы от-правился въ степь самъ съ линейными казаками за «барантою».

Сообщая о всемъ этомъ, Гавердовскій просилъ губернатора сдѣлать надлежащее предписаніе пограничной комиссіи, «дабы побудить ее къ дѣятельности» и доносилъ, что купечество соглашается отправить съ нимъ въ Бухару караванъ «на знаменитую сумму», чему уже положено и начало.

Опираясь на подлинный текстъ Высочайше подтвержденной инструкціи, онъ настойчиво требуетъ скорѣйшаго назначенія такого переводчика, который былъ бы хорошо знакомъ съ персидскимъ и бухарскимъ языкомъ. «Онъ мнѣ нуженъ», говоритъ поручикъ, для переписокъ съ лежащими за Бухаріей владѣніями и для предполагаемой поѣздки въ Кабулъ. Въ заключеніе Гавердовскій просилъ о назначеніи къ нему не 15, а 25 казаковъ и темярей, съ выдачею имъ въ Оренбургѣ еще на содержаніе средствъ на все время пребыванія въ Бухарѣ въ теченіи, быть можетъ, не менѣе двухъ лѣтъ. Для наблюденія за этой командой онъ испрашивалъ назначенія «благородно мыслящаго честнаго офицера изъ казаковъ».

Вскорѣ послѣдовало назначеніе къ Гавердовскому въ качествѣ переводчика пакгаузнаго смотрителя оренбургской таможни губернскаго секретаря Мурсалима Бекчурина.

Побуждаемый настойчивыми требованіями Гавердовскаго съ одной и письмами графовъ Кочубея и Румянцева, съ другой стороны, оренбургскій губернаторъ Бахметевъ дѣлалъ своевременно всѣ зависящія отъ него распоряженія пограничной комиссіи. 29-го марта губернаторъ доносилъ графу Кочубею о сформированіи купеческаго каравана и испрашивалъ 8000 руб., необходимыхъ для довольствія команды Гавердовскаго, «такъ какъ съ пограничной суммы столь знатное количество денегъ выдать не осмѣливается безъ особливаго на то предписанія». Означенную сумму губернаторъ просилъ разрѣшить возможно скорѣе, чтобъ имѣть возможность своевременно снабдить экспедицію всѣмъ нужнымъ, «тѣмъ паче, что казачье войско служить на линіи на своемъ содержаніи да и законы повелѣваютъ давать имъ казенное содержаніе, ежели они далѣе 300 верстъ отъ домовъ ихъ отправляются».

Предположеніе Гавердовскаго о выступленіи въ походъ по веснѣ не осуществилось: наступилъ уже и май мѣсяцъ, а ни команды, ни средствъ и ничего прочаго ему не давали. Только 2-го мая изъ письма графа Румянцева стало извѣстно, что испрашиваемые губернаторомъ Бахметевымъ для посольства 8000 р. отпущены изъ государственной коллегіи, но съ тѣмъ однако, чтобъ сумма эта была возвращена купече-

ствомъ, принявшимъ участіе въ караванѣ. 18-го мая 8000 руб. были получены пограничной комиссіей и губернаторомъ предписано было комиссіи сдѣлать развертку этихъ денегъ на суммы отправляемыхъ въ караванъ товаровъ и о немедленномъ взысканіи ихъ съ купцовъ. Донося объ этомъ графу Румянцеву, Бахметевъ увѣрялъ, что отъѣздъ Гавердовскаго изъ Оренбурга послѣдуетъ не болѣе какъ черезъ шесть дней.

Между тѣмъ, оренбургскій губернаторъ долженъ былъ выѣхать для осмотра ввѣренной ему инспекціи, почему и предложилъ пограничной комиссіи принять дѣятельнѣйшія мѣры къ отправленію посольства въ самоскорѣйшемъ времени, такъ какъ конвой ему уже наряженъ. «Всякое промедленіе сверхъ недѣли останется на отчетѣ комиссіи», предупреждалъ губернаторъ.

Однако прошелъ май, наступилъ и также прошелъ іюнь мѣсяцъ, а посольство все еще не имѣло возможности выбраться изъ Оренбурга.

Въ архивныхъ дѣлахъ не сохранилось документовъ, указывающихъ на время выступленія Гавердовскаго изъ Оренбурга, и только судя по датамъ «объясненій», съ какими обращались принявшіе участіе въ торговомъ караванѣ купцы въ Оренбургскую пограничную таможню о разрѣшеніи выпустить за границу товары, можно заключить, что только въ двадцатыхъ числахъ іюля могло двинуться изъ Оренбурга злополучное посольство, въ составѣ всего сорока трехъ человекъ, въ числѣ коихъ было 15 казаковъ во главѣ съ сотникомъ Шубинымъ, 9 тептарей 1 и 2-го тептар-

скихъ полковъ при 3 хорунжихъ, есаулъ Каримовъ съ казакомъ, докторъ Большой, поручики Богдановичъ и Ивановъ. Кромѣ того, при экспедиціи находились бухарскій чиновникъ Миръ-Мухаметъ Аминовъ съ братомъ, коллеж. асс. Биктяшевъ, регистр. Андрюковъ, переводчикъ Бекчуринъ съ сыномъ копѣистомъ Бекчуринымъ, персидскій переводчикъ Ибрагимовъ, мулла Файзуллинъ и состоящій непосредственно при самомъ Гавердовскомъ казанскій татаринъ Ибрагимъ Смайловъ, тотъ самый, по донесенію котораго изъ Бухары и сознана была необходимость настоящаго посольства.

При посольствѣ послѣдовалъ торговый караванъ, о составѣ котораго въ архивныхъ документахъ имѣются подробныя свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что онъ былъ весьма богатъ и что участвовали въ немъ первоиздѣйные купцы, именно: Ростовскіе—Сава Кайдаловъ и Мясниковъ, Мамадыжскій—Абдулла Утямышевъ, Казанскіе—Муса Мунасыповъ и Баязитовъ, коммерціи совѣтникъ Корелинъ и Вологодскій купецъ Шапошниковъ. Фирмы эти командировали въ Бухару надежныхъ прикащиковъ и работниковъ.

Изъ объясненій, представленныхъ въ пограничную таможену, можно видѣть какіе товары составляли въ то время предметъ торговли съ Бухаріей. То были: сукна, бархаты, плисъ, атласъ, ситецъ, тафта, шелковые платки, парча, мишура, штофъ, саржа, холстъ, кожи и мѣха разныхъ сортовъ, чай, сахаръ, сассапарель, гвоздика, ножи, бритвы, гребни, иголки, серьги, стеклянные пронизи, бисеръ, жемчугъ, драгоценныя каменья. Весьма важный предметъ нашего вывоза со-

ставляли «корольки» (кораллы), которыхъ въ караванѣ было на сумму 12,500 руб.

Но главныя богатства каравана заключались въ червонцахъ. Такъ, купецъ Утямышевъ отправлялъ ихъ на сумму 134,124 рубля и товару на 9785 руб. 60 коп., Мунасыповъ рванцевъ на 42044 рубля и товару 2995 руб. 40 коп., Баязитовъ червонцевъ на 22960 руб. и товару на 5886 рублей, Кайдаловъ червонцевъ на 12000 руб. и товару на 3449 руб. 37 коп., Корелинъ червонцевъ на 13500 руб. и товару на 8361 рубль 80 коп., Мясниковъ червонцевъ на 600 рублей и товару на 5736 рублей 85 коп. и наконецъ купецъ Шапошниковъ отправлялъ червонцевъ на 5400 рублей.

Купеческій караванъ представлялъ такимъ образомъ весьма солидную цѣнность въ 296.843 рубля, разложенную на трехстахъ верблюдахъ. Понятно, что такое богатство могло возбудить разбойничьи аппетиты въ высшей степени. Высланные же заблаговременно въ степь киргизы только способствовали широкому распространенію вѣстей о несмѣтныхъ богатствахъ, слѣдующихъ въ Бухарію съ поручикомъ Гавердовскимъ. Сказки объ этихъ сокровищахъ, думается намъ, и воспламенили главнымъ образомъ хивинцевъ и киргизъ до того, что, игнорируя неприкосновенность Гавердовскаго, какъ посла могущественнаго Бѣлаго Царя, они думали только о похищеніи этихъ сокровищъ.

Когда тронулся караванъ изъ Оренбурга, какъ онъ шелъ къ Орску, когда вступилъ въ него и вышелъ

изъ него въ открытую степь, указаній въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ, но безъ большой ошибки можно предположить, что послѣднее произошло въ первыхъ числахъ августа, такъ какъ 30 августа Гавердовскій вступилъ уже съ караваномъ въ пески Каракумъ.

Передъ выступленіемъ изъ Орска въ степь, Гавердовскій счелъ нужнымъ еще разъ обратиться письменно къ биямъ, старшинамъ и владѣтелямъ разныхъ киргизскихъ родовъ съ просьбами не препятствовать ему на пути и гдѣ можно оберегать и охранять слѣдующее съ нимъ посольство и караванъ. Между этими письмами было одно къ ограбившему в послѣдствіи караванъ владѣтелю Чиклинскаго рода киргизъ, Аблазы Султану, братъ котораго Ширгазы, будучи въ Оренбургѣ, вызвался сопровождать Гавердовскаго до самой Бухары, но въ степи подъ разными предлогами отсталъ и присталъ вновь къ Гавердовскому только по разграбленіи. Однако, не смотря на принятые мѣры предосторожности, изъ степи приосились неутѣшительныя вѣсти. Посланные съ письмомъ къ Аблазы Султану не достигли цѣли, такъ какъ услышали, что близъ рѣки Сыръ-Дарьи сосредоточилось большое скопище киргизъ, рѣшившихъ, якобы, разграбить караваны и не пропускать русскихъ за Сыръ-Дарью.

Хотя встрѣтившійся на пути бухарскій караванъ и опровергалъ подобныя свѣдѣнія, обнадеживая въ безопасности пути, тѣмъ не менѣе Гавердовскій послалъ на Сыръ-Дарью для точныхъ развѣдокъ нарочныхъ, самъ же съ караваномъ прослѣдовалъ до урочища Карчакумъ. Въ десяти верстахъ отъ Сыръ-Дарьи

и въ 880 верстахъ отъ русской границы 6 сентября на встрѣчу ему выѣхали посланные и увѣдомили, что дѣйствительно управляющій Чиклинскимъ родомъ, самовольно назвавшійся ханомъ, Султанъ Аблазы, во главѣ трехъ тысячъ киргизъ, заявъ всѣ переправы на Сыръ-Дарьѣ, рѣшилъ не пропускать русскихъ за рѣку, караванъ разграбить, а людей экспедиціи забрать въ плѣнъ.

По полученіи такихъ печальныхъ свѣдѣній Гавердовскій счелъ необходимымъ отступить, чтобъ приблизиться къ ауламъ вѣрныхъ Россіи киргизъ. Свита шла днемъ и ночью со всѣми мѣрами предосторожности, тѣмъ не менѣе утромъ 9-го сентября у урочища Ходжа-Бергенъ они были настигнуты степными разбойниками въ числѣ около тысячи человекъ. Пуская стрѣлы, съ пальбой изъ ружей, съ гикомъ обрушилась эта масса киргизъ на миниатюрный русскій отрядъ. Произошла одна изъ тѣхъ характерныхъ стениныхъ трагедій, какія неоднократно повторялись потомъ при борьбѣ небольшихъ частей русскаго войска съ многочисленными скопищами азіатовъ, какъ то было, напримѣръ, при Иканѣ и Чаграѣ. Но только героевъ Икана покрыла исторія неуязвимой славой; всѣ же прочіе бойцы ничего кромѣ забвенія не стяжали!...

Гавердовскій немедленно остановилъ караваны, спѣшилъ людей, разовѣчилъ тѣхъ верблюдовъ, которые особенно тяжело были навьючены. Отрядецъ принялъ оборонительное положеніе.

Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ караванъ киргизъ сначала помогали русскимъ, но потомъ перешли на сторону разбойниковъ. Чиклинцы атаковали въ конномъ строю; но не видя успѣха такой атаки, бросились потомъ пѣшими на ту часть каравана, гдѣ были верблюды, въ намѣреніи отрѣзать ихъ отъ команды. И въ то самое время, когда впереди верблюдовъ горсть казаковъ съ сотникомъ Шубинымъ во главѣ отчаянно защищалась, верблюдо вожатые вдругъ подняли верблюдовъ и лошадей и перешли съ ними на сторону чиклинцевъ; всѣ бывшіе на нихъ тюки тотчасъ же сдѣлались добычею злодѣевъ, а въ этихъ тюкахъ хранился денежный ящикъ Гавердовскаго и большая часть купеческихъ червонцевъ. Добыча была заманчива и такъ разожгла алчность разбойниковъ, что они тотчасъ же принялись за ея дѣлежъ. Между тѣмъ, изъ оставшихся тюковъ казаки соорудили городокъ. Гавердовскій повѣрилъ количество своихъ людей и замѣтилъ, что часть сопровождавшихъ караванъ купцовъ и ихъ приказчиковъ исчезли. Оказалось, что, будучи одѣты по киргизски, они еще въ началѣ нападенія чиклинцевъ скрылись, руководимые вѣрными киргизами, при чѣмъ успѣли захватить на двухъ верблюдахъ легкіе товары, главнымъ образомъ въ червонцахъ и королькахъ.

Наступила между тѣмъ ночь. Чиклинцы не вызвали желанія вторичнаго нападенія, хотя количество ихъ увеличивалось и дошло до трехъ тысячъ человекъ.

Положеніе маленькаго русскаго отряда становилось

критическимъ: вода была выпита, солнце жгло, жажда томила людей. На сторонѣ врага, расположившагося на мѣстахъ болѣе низкихъ, воды было достаточно, у русскихъ же, занявшихъ позицію на вершинѣ холма, ея не было не капли. Однако жажда заставляла казаковъ на мѣстѣ, гдѣ они расположились, рыть колодезь; рыли они его весь вечеръ и ночь до разсвѣта, но жизненная влага не показывалась. На глубинѣ девяти аршинъ песокъ былъ такъ же сухъ, какъ и на поверхности. Чиклинцы не дѣлали уже нападеній, видимо желая взять этихъ героевъ изморомъ. Отрядъ начиналъ переживать ужасные часы. Измученные жаждой люди томились и просили пить во что бы то ни стало. Киргизы этого только, кажется, и ждали. Но боясь потерь отъ ружейнаго мѣткаго огня казаковъ, они задумали достигнуть каравана хитростью, а именно надѣлавъ изъ растущаго вкругъ прутьяку нѣчто въ родѣ туровъ въ человѣческій ростъ, они сплывившись, начали подходить подъ ихъ защиту къ отряду.

Между тѣмъ, оставшіеся при караванѣ купцы по-нуждали Гавердовскаго къ уступкамъ. Эти просьбы, а болѣе всего видъ истомившихся людей поколебали поручика. Начались переговоры съ киргизами и согласно ихъ Гавердовскій обязался заплатить за каждаго убитаго Чиклинца по тысячѣ червонцевъ, а за раненныхъ дать подарки. Рѣшаясь на это поручикъ полагалъ, что съ потерей такимъ образомъ половины имущества онъ спасетъ другую половину, почему съ общаго согласія роздалъ киргизамъ часть сохранив-

шихся купеческихъ червонцевъ и товаровъ. Разбойники пользовались всѣми способами для собственнаго обогащенія и такъ какъ люди Гавердовскаго просили воды, то они продавали соленую затхлую воду получая за небольшую мѣрку два червонца. Безнадежное состояніе отряда понудило Чивлинцевъ къ рѣшительному намѣренію забрать въ плѣнъ всѣхъ русскихъ. Шесть разъ приступали они къ городку съ этой цѣлью и каждый разъ были отбиты ружейнымъ огнемъ.

Наконецъ, отрядъ изнемогъ. Увидя это, Гавердовскій объявилъ злодѣямъ, что оставляетъ караванъ въ ихъ распоряженіи, но что готовъ скорѣе умереть, чѣмъ отдаться имъ въ плѣнъ. И вотъ, сбросивъ съ себя даже верхнее платье, чтобъ не возбуждать къ себѣ жадности врага, наполнивъ карманы патронами, съ оружіемъ въ рукахъ, съ рѣшительностью умереть при первомъ нападеніи врага, отрядъ началъ геройское свое отступленіе...

Гавердовскій бросилъ въ добычу злодѣямъ все: дѣла, замѣтки, карты, планы, инструменты, подарки, товаръ и думалъ только о сохраненіи на груди своей Высочайшей грамоты и писемъ министра къ бухарскимъ сановникамъ. Богатѣйшая, почти въ двѣсти тысячъ рублей, добыча, прельстила разбойниковъ настолько, что въ первое время они всецѣло предавались ей; но потомъ однако часть ихъ бросилась преслѣдовать русскихъ и захватила въ плѣнъ безоружнаго доктора Большаго, деньщика Васильева и татарскаго мальчика Халима Исакова.

Въ трехъ верстахъ отъ брошеннаго каравана Гавердовскій наткнулся на киргизъ, которые объявили, что высланы ему на помощь и предложили командъ своихъ лишнихъ верблюдовъ и лошадей.

Усталые люди съ радостью бросились къ этимъ животнымъ, а чтобъ облегчиться, отдали этимъ киргизамъ оружіе. Но Гавердовскій тотчасъ же замѣтилъ коварство этихъ кочевниковъ, намѣревавшихся, посадивъ русскихъ на лошадей и верблюдовъ, развести ихъ порознь по степи. Поэтому, сойдя съ лошади, онъ приказалъ всѣмъ немедленно сдѣлать тоже и обороняться.

Наступившая темная ночь и выстрѣлы помѣшали киргизамъ; они отступили, успѣвъ однако захватить съ собою шесть человекъ изъ числа отдавшихъ имъ оружіе.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня команда пришла въ аулъ Муссерябъ, гдѣ принята была также недружелюбно, и только обѣщаніемъ заплатить потомъ деньги вымолилъ Гавердовскій себѣ здѣсь свободу. Между прочимъ, тутъ онъ сдѣлалъ попытку узнать, что стало съ покинутымъ караваномъ и нельзя ли возвратить захваченныхъ у него людей, за что обѣщалъ также вознагражденіе. Двѣнадцатаго сентября къ нему привели плѣненныхъ шесть человекъ. Къ счастью оказалось, что у бывшихъ съ нимъ купцовъ сохранились червонцы, которыхъ и уплачено было при этомъ четыреста. А о докторѣ и другихъ забраныхъ съ нимъ въ плѣнъ людяхъ не было даже и слуха.

Четырнадцатаго сентября съ трудомъ удалось на-

конецъ Гавердовскому выбратся изъ аула Муссерябъ, гдѣ задерживали его съ людьми въ надеждѣ распродать ихъ въ рабство и не допустить до родины, чтобъ не было тамъ объ этомъ происшествіи ровно никакихъ слуховъ.

Только благодаря небольшой части вѣрныхъ киргизъ выбрался отсюда Гавердовскій и пѣшкомъ въ тотъ же день пришелъ съ командою въ аулъ преданнаго русскимъ старшины Китабай-бія. Здѣсь на занятые у купцовъ червонцы было куплено имъ нѣсколько лошадей и верблюдовъ, и верхняго платья, за что заплачено было втрое дороже обыкновеннаго.

Едва только 15 сентября караванъ собрался въ путь, какъ и здѣсь набѣжали злодѣи, требуя за выѣздъ денегъ. Чтобъ избѣжать бѣды, купцы, которыхъ уже успѣлъ настичь Гавердовскій, согласились заплатить имъ 800 червонцевъ. Пустою, безжизненною степью, гдѣ не было и признака кочевья, побрели русскіе медленно къ родной границѣ. Обезсиленные, голодные, оставаясь въ теченіи двухъ дней безъ всякой пищи, они ужъ приближались къ этой завѣтной чертѣ, какъ вдругъ верстахъ въ 60 отъ Орска подверглись новому неожиданному нападению шайки кочевниковъ человекъ въ 100, которые полагали было забрать всѣхъ русскихъ безъ сопротивленія, но однако, встрѣтивъ неожиданный отпоръ со стороны этой измученной горсти людей, они отступили.

Наконецъ, 23 сентября къ великой радости команды Гавердовскій вошелъ въ Орскую крѣпость, здѣсь къ нему снова присталъ братъ Аблазы султана Ширгазы.

Чтобъ загладить свое двусмысленное поведеніе, онъ взялся доставить своему брату письмо Гавердовскаго касательно освобожденія изъ плѣна доктора Большаго и прочихъ людей и обѣщался приложить самъ къ тому всѣ старанія. За исключеніемъ плѣнныхъ вышепоименованныхъ лицъ, въ Орскую крѣпость вошли одновременно съ поручикомъ всѣ люди его команды и свита. Раненыхъ было всего 5 человекъ, въ числѣ ихъ былъ и братъ бухарскаго посланца. О послѣднемъ Гавердовскій упоминаетъ какъ о замѣчательно храбромъ, прекрасномъ человекѣ, который, потерявъ все свое имѣнье и товары (послѣдніе въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ на сумму почти 10,000 руб.), тѣмъ не менѣе бился за одно съ русскими и хотя ему давали всѣ средства спастись, но онъ отвергнулъ ихъ.

По прибытіи въ Орскъ, Гавердовскій явился къ коменданту крѣпости полковнику Петрову и объяснилъ ему все съ нимъ происшедшее. На его просьбы, и ни сходя къ несчастному его положенію, комендантъ выдалъ ему пособіе въ размѣрѣ 250 рублей.

27 сентября Гавердовскій прибылъ въ Оренбургъ. Отсюда онъ послалъ министру графу Воронцову подробное описаніе своихъ злоключеній, съ приложеніемъ вѣдомости объ убыткахъ всѣхъ лицъ каравана и свиты, по которой значилось, что убытку по разграбленіи понесено: червонцами и корольками у свиты и чиновъ команды на 20,726 рублей, у купцовъ на 250,376 руб., спасено же купцами на 127,164 руб. Къ этому же донесенію былъ приложенъ подробный списокъ «усердствовавшимъ киргизамъ» и всѣмъ от-

личившимся въ дѣлѣ съ Чиклинцами и другими злодѣями чинамъ свиты и команды.

Описавъ свое жалостное и бѣдственное положеніе въ пути, Гавердовскій въ заключеніе выясняетъ причины постигшихъ его и караванъ неудачъ.

«Вотъ что узналъ я отъ вѣрныхъ мнѣ людей въ стени киргизской, пишетъ онъ: въ скорости по прибытіи моемъ въ Оренбургъ, черезъ Астрахань въ Хиву и даже изъ самого Оренбурга въ Кунгратъ, дано было извѣстіе о моемъ проѣздѣ въ Бухарію. Хива, замѣшанная всегда въ грабежахъ киргизскихъ и подстрекающая ихъ нападать на линію для плѣненія людей, признала сіе мое отправленіе для себя дѣйствительно опаснымъ, почему соглашала трухменцевъ напасть на меня за песками Кызылъ-кумъ, но бухарскій эскортъ, приготовленный для моей встрѣчи, установилъ трухменцевъ. На послѣдокъ были собранія у Чиклинцевъ. Сіи, не будучи никогда близъ границъ Россійскихъ, не несли никогда имя подданныхъ, и весь ихъ промыселъ суть грабительство каравановъ и другихъ киргизцевъ. Сіи убѣждены были отъ Хивы подъ видомъ собственнаго ихъ спасенія меня не пропустить. Имъ насаказано было, что я имѣю съ собой большое сокровище и будто бы мѣряю землю и дѣлаю наблюденія»

Вмѣстѣ съ этимъ Гавердовскій высказывалъ свои подозрѣнія и на бухарское правительство — не было ли и съ его стороны участія въ грабежѣ, почему просилъ Орскаго коменданта для разясненія этого узнать содержаніе тѣхъ писемъ, какія многіе бухар-

цы отправляли изъ Орска на родину. Начавшись въ Орскѣ, дѣло разсмотрѣнія этихъ писемъ перешло впоследствии въ Петербургъ къ министру, но ничего особеннаго, что предполагалъ Гавердовскій, въ нихъ найдено не было.

Пострадавшіе въ этомъ дѣлѣ купцы не замедлили обратиться къ правительству съ просьбой о вспоможеніи. Всѣхъ раньше это сдѣлалъ купецъ Кайдаловъ, которому всемилостивѣйше было выдано изъ Государственного банка заемъ съ разсрочкой на 20 лѣтъ 15000 рублей. Прочіе торговцы послѣдовали его примѣру. Тогда министръ коммерціи графъ Румянцевъ письмомъ отъ 24 іюня 1804 года извѣщалъ оренбургскаго губернатора князя Волконскаго, что онъ и министръ финансовъ входили съ представленіемъ по сему поводу предъ Государемъ Императоромъ и что Его Величество высочайше утвердилъ представленную ими записку и далъ на имя министра финансовъ рескриптъ, въ которомъ, всемилостивѣйше снисходя на просьбы означенныхъ купцовъ, призналъ справедливымъ оказать и имъ вспоможеніе, равно чиновникамъ и командѣ, а также бухарскому посланцу въ такихъ суммахъ: купцамъ половину ихъ утратъ т. е. 75,000 руб. заимобразно на 20 лѣтъ, причемъ чиновниковъ и команду удовлетворить не ранѣе, какъ будутъ провѣрены претензіи торговцевъ. Что же касается до бухарскаго посланца, который въ вознагражденіе убытковъ просилъ дозволенія пропустить чрезъ Астраханскій портъ 15.000 пудовъ стали, то его въ этомъ удовлетворить; занятые же Га-

вердовскимъ у купцовъ по разграбленіи 1672 руб., сверхъ 8000 на снаряженіе команды, по вѣрнымъ доказательствамъ, возвратить.

Согласно письма графа Румянцева Оренбургскій губернаторъ провѣрку правильности убытковъ возложилъ на пограничную комиссію.

Въ силу этого пограничная комиссія 2-го сентября 1804 года представила свѣдѣнія, по которымъ значилось, что товару было отправлено въ караванѣ всего на 296,843 рубля, изъ нихъ пошлинь взыскано 139 рублей, на содержаніе казаковъ по 2% съ рубля удержано 5966 рублей, отъ грабежа спасено на 106,504 рубля. Вся потеря купцовъ, за исключеніемъ купца Кайдалова, уже получившаго вспоможеніе равнялось, 154,800 рублямъ.

Всѣ эти свѣдѣнія Оренбургскій губернаторъ князь Волконскій не замедлилъ отправить къ графу Румянцеву. Но удовлетвореніе просьбъ о помощи послѣдовало только въ 1805 году, при чемъ купцамъ было выдано всего 75,000 рублей, а Гавердовскому съ командой и чиновниками, въ числѣ которыхъ значился и возвращенный изъ плѣна докторъ Большой, 20,432 рубля.

Такимъ образомъ, неудачный исходъ миссіи Гавердовскаго еще разъ подтвердилъ вѣроломную политику Хивы, изувѣрство и безграничное невѣжество которой внушали ей подданнымъ, что уступчивость и долготерпѣніе Россіи проистекають единственно изъ за перевѣса значенія и силы Хивы надъ русскими, почему и въ дальнѣйшихъ съ ними сношеніяхъ хи-

винцы по прежнему не перестаютъ быть надменными и дерзкими, явно переступая всѣ права русской державы. Только этимъ и можно объяснить обстоятельство, что хивинцы самовольно постановили правиломъ, чтобъ торговые наши караваны, въ какія бы мѣста Средней Азіи не отправлялись, непременно слѣдовали-бы окольнымъ путемъ чрезъ самую Хиву, съ цѣлью взиманія здѣсь пошлинь и подати, произвольно возвышаемой ими до крайнихъ предѣловъ. Поэтому всѣ караваны, уклонявшіеся отъ пути чрезъ Хиву, подвергались разграбленію по приказанію хана его войсками, при чемъ ханъ получалъ значительную долю добычи. Въ силу всего вышесказаннаго русское правительство начало изыскивать мѣры къ прекращенію господства Хивы и готовыхъ къ ея услугамъ киргизъ; но всѣ принятые въ теченіи XIX вѣка мѣропріятія до тѣхъ поръ не въ силахъ были обуздать вѣроломства Хивы, пока наконецъ въ 1873 году генералъ-адъютантъ Кауфманъ не продиктовалъ ей ясно выраженныхъ требованій Россіи во дворѣ ея нынѣшняго владѣтеля Сеидъ-Мухаметъ-Рахимъ-Хана.

В. Водопьяновъ.